

© 2008 г. Э. ФОРТЕЙН

ПОЛИСЕМИЯ ИМПЕРАТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена так называемым «непрямым» употреблением формы императива в русском языке. Семантика императива трактуется как полисемичный комплекс, имеющий определенное главное значение (наличие *импульса* к совершению действия) и разные связанные с ним другие значения (употребления). Связи между значениями в комплексе состоят из тех или иных общих семантических признаков, которые основаны на следующих центральных взаимосвязанных условиях: «наличии *импульса* к совершению или представлению действия» и «призыве к адресату проявить определенную *причастность* по отношению к этому действию».

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ¹

Как известно, морфологическая форма повелительного наклонения в русском языке (далее *императив*) имеет разные значения. Кроме прямого волеизъявления говорящего, направленного на осуществление действия адресатом (*директивное* значение, например, *Приди сюда!*), существует ряд других *непрямых* функций. Такие типы употребления императива отличаются от директивных случаев прежде всего тем, что в них возможен субъект первого или третьего лица. Выделяются следующие главные типы непрямых императивных значений:

1. Долженствовательное значение (*Вы будете бездельничать, жрать и дрыхнуть, а я иди на передовую*)
2. Повествовательное значение (*А он и приди!*)
3. Желательное значение (*Приди-ка он к нам!*)
4. Условное значение (*Приди он во время, ничего бы не случилось*)
5. Уступительное значение (*Куда я ни приди, везде знакомые*)

Непрямое употребление императива типично не только для русского языка, но встречается во многих других языках, например, в английском (см. обзор в [Davies 1986]). Однако значительное разнообразие подобных типов функционирования, а также тот факт, что основная форма императива (2 л. ед. ч.) может употребляться с подлежащим 1 или 3 л., можно считать весьма характерными именно для русского языка.

Несмотря на то, что разные авторы исследовали те или иные из этих типов (среди них [Garde 1963; Прокопович 1969; Шведова 1974; Veyrenc 1980; Comtet 1994; Hacking 1997; Israeli 2001; Kor-Chahine 2001; 2006]), количество статей, специально посвященных изучению всех употреблений императива и семантических связей между ними, является довольно ограниченным. К ним относятся [Ebeling 1956; Исаченко 1957; Шмелев 1961; Котгай 1968; Храковский, Володин 1986: 108–120; Ясан 1995; Перцов 1998]. В данных

¹ Настоящая работа является обработкой и кратким обзором одной части диссертации автора [Fortuin 2000]. В качестве иллюстративного материала приводятся, по мере возможности, новые примеры. Приносим искреннюю благодарность Адриану Барентсену за неоценимую помощь в подготовке статьи, рецензенту журнала «Вопросы языкознания» за очень полезные критические замечания и Владимиру Плунгяну за то, что он дал импульс к написанию статьи.

работах задается вопрос: что такое значение русского императива? Возможно ли говорить об определенном общем значении или следует ограничиться лишь каким-то набором разных значений? Подобным вопросам посвящена и настоящая работа. При этом основное внимание обращается на возможные связи между всеми различными вариантами употребления императива.

В литературе существуют два основных взгляда на проблему значения императива. Одни исследователи считают, что все употребления императива являются реализациями одного общего значения (напр. [Ebeling 1956]). Представители второго подхода полагают, что при непрямом употреблении императив имеет другую, неимперативную семантику (напр. [Храковский, Володин 1986]). Основным аргументом против моносемического анализа является то, что при таком рассмотрении определение значения императива является слишком абстрактным, вследствие чего теряются из виду семантические и формальные различия между разными употреблениями (в том числе функциональное различие между прямым значением и непрямым значением). Аргументом против второго подхода, при котором собственно не считается нужным сформулировать какие-либо связи между разными типами употребления данной формы, является то, что теряются из виду общие семантические и грамматические признаки императивной формы, отличающие эту форму от других, «конкурирующих» форм (например, отсутствие категории времени, наличие так называемых модально-субъективных признаков).

Весьма интересный подход к изучению и описанию связей разных употреблений модальных форм предлагают И. Ван дер Аувера и В. Плунгян [Van der Auwera, Plungian 1998]. Посредством так называемых «семантических карт» они показывают функциональную логику связей разных модальных значений. Однако их исследование имеет прежде всего типологический характер и сосредотачивается на сходствах между категориями в разных языках. Настоящая работа как раз сосредотачивается на проблемах описания отдельно взятого языка. По нашему мнению, в таком случае следует обратить особое внимание на характер главного значения данной формы и на выделение общих элементов у всех разных типов употребления формы.

По отношению к современному русскому языку мы исходим из того, что у всех (прямых и не прямых) императивных значений основную роль имеет значение «наличие импульса к совершению или представления действия» (ср. [Ebeling 1956]). Исследователи, стремящиеся к определению инвариантного значения императива, очевидно, должны каким-то образом включить туда указанные элементы. Однако в связи с отмеченными проблемами такого подхода мы здесь не будем углубляться в этот вопрос. Нам кажется более плодотворным описать значение императива как целый комплекс разных взаимосвязанных употреблений, которые в этом комплексе могут иметь более или менее самостоятельные позиции. Все эти значения функционируют в определенном отношении к другим значениям данного комплекса, прежде всего к г л а в н о м у (прототипическому) значению.

В главном значении императива указанные выше семантические признаки проявляются наиболее ярко и конкретно. Под главным значением мы понимаем «директивное» значение, которое кратко можно сформулировать следующим образом: «говорящий побуждает адресата к совершению императивного действия». Однако мы подчеркиваем, что это значение занимает лишь самую центральную часть всего полисемического комплекса. Другие варианты употребления императива можно рассматривать как определенные транспозиции этого главного значения или, в случае условного употребления, как транспозицию оптативного употребления.

Следуя работе [Bartsch 1998], мы анализируем транспозицию как процесс с е л е к ц и и определенных семантических признаков (и, следовательно, ч а с т и ч н о г о у д а л е н и я других). Такая селекция происходит, когда форма употребляется в новом языковом или прагматическом контексте, представляющем другую точку зрения на ее значение. В таких контекстах говорящий видит связь между «прямым» и «новым» употреблением, на основе суждения о сходстве или смежности между ними. Важно под-

черкнуть, что при транспозиции даже удаленные признаки продолжают играть роль в новом употреблении – хотя бы только на фоне (для подробного анализа см. [Fortuin 2000: 4–54])².

В нашей работе мы попытаемся показать, каким образом значения типа «долженствование», «условие» или «неожиданность» связаны с семантическим понятием «наличие импульса к императивному действию». При этом мы исходим из того, что при императиве данное понятие всегда связано с особым отношением между говорящим и адресатом: «говорящий призывает адресата проявить определенную причастность по отношению к императивному действию». Далее будем говорить о признаке «импульс», содержащем сочетание указанных семантических элементов. Нетрудно увидеть присутствие данного признака в главном, директивном употреблении императива. Здесь источником импульса к совершению действия является сам говорящий и причастность адресата заключается в восприятии императива как призыва к совершению названного действия. Как будет показано ниже, в том или ином виде признак «импульс» продолжает играть определенную роль и в непрямых употреблениях. В таких случаях с указанным признаком можно соотнести и такие абстрактные и трудно определяемые понятия, как «субъективно-модальные» оттенки или «экспрессивность»³. Как будет показано ниже, при непрямых значениях именно компонент «призыва адресата к причастности» обычно приобретает особую значимость. Как правило, признак «импульс» в этом случае интерпретируется так, что говорящий хочет обратить особое внимание на неожиданный или нежелательный характер (возникновения) императивной ситуации.

Другая цель настоящей работы – показать, какие языковые и прагматические контекстуальные признаки связаны с разными употреблениями императива и каким образом эти признаки способствуют разным интерпретациям императива. Такие «типы контекста» можно рассматривать как формальные признаки разных императивных конструкций, указывающие на степень сходства и различия между ними. Эти синтактико-семантические признаки (например, употребление постфикса *-те*, частиц *-ка* или *бы* и т.д.), тоже могут предоставить объективные критерии для идентификации разных употреблений.

2. ДИРЕКТИВНЫЙ ИМПЕРАТИВ

2.1. Директивное значение – самое прототипическое и часто встречающееся значение императива. Предлагаем следующую его формулировку:

«Произнося форму императива, говорящий дает импульс адресату (в t_0) к совершению (или, в контексте отрицания, несовершению) императивной ситуации (действия, состояния и т.д.) $V: \rightarrow SIT(V_{+aspect})t_1$ »⁴

Схема 1

Импульс	Цель импульса	Субъект ситуации	Объект импульса
Говорящий	$\rightarrow SIT(V_{+aspect})t_1$	адресат	адресат

² Более или менее подобный метод употребляется в работе Н.В. Перцова [Перцов 1998]. Тем не менее наш конкретный анализ значительно отличается от анализа Перцова.

³ Перцов здесь не видит роли для адресата. В работе [Перцов 1998] «экспрессивность», «эмоциональность» или «субъективность» императива приписываются компоненту «сигнализации». По мнению автора, этот компонент отражает «непосредственную психологическую связь между сознанием говорящего и сообщаемым фактом» [Перцов 1998: 89].

⁴ $SIT(V)$ = ситуация, где императивное действие реализовано
 $\rightarrow SIT(V)$ = сама реализация императивного действия
 t_1 = время реализации императивного действия, следующего за t_0 , моментом речи.

Признак «импульс» проявляется здесь следующим образом: *п р о и з н о с я* форму императива, говорящий способствует реализации действия адресатом. Это объясняет, почему предложения типа *Прочитай книгу, но я знаю, что ты этого не будешь делать* грамматически неправильны, в то время как подобные предложения с другим выражением волеизъявления говорящего вполне возможны: *Я хочу, чтобы ты прочитал / ты должен прочитать книгу, но знаю, что ты этого не будешь делать*. Свойство «импульса» может проявиться и у других форм, как, например, у формы инфинитива: *Встать!* Однако в таких случаях речь идет не об ингерентном признаке значения данной формы, а лишь об особой *интерпретации* ее значения, возникающей лишь в особых условиях (см. [Fortuin 2000: 268–273; 441–449]).

Директивное значение предполагает, что:

- а) говорящий желает реализации действия или хотя бы не против нес (при вариантах типа «разрешение»);
- б) употребляется глагол, обозначающий контролируемую человеком ситуацию (или получающий такую интерпретацию при данном употреблении императива: *Поправься мне!*);
- в) в момент речи действие еще не существует (или предполагается, что оно как раз перестанет существовать (*Сидите, сидите!*)). Это предположение может проявиться в ослабленной форме: *Мучайся! Не надо делать такие глупости!* В данном случае, произнося форму императива, говорящий «укрепляет» императивную ситуацию и этим выражает свое согласие с ним, чаще всего в контексте неволевой реализации адресатом;
- г) момент речи предшествует времени реализации побуждаемого действия. Однако встречаются случаи, в которых порядок оказывается перевернутым: – *Исаю Горбону я башку оторву, – увидишь! – За что? – спросил хохол. – Не шпионь, не доноси* (Горький. Мать). Это связано с отвлечением от контекста момента речи и обобщенно-личным характером адресата: «не надо шпионить и доносить, если хочешь избежать подобных негативных последствий». Такие предложения фактически уже относятся к долженствовательному значению.

2.2. В нашем анализе большую роль в классификации разных значений, разных типов употребления, играют семантико-синтаксические признаки. Рассмотрим самые важные из них.

Директивное значение императива допускает оба вида. См., например, подробный анализ в работе [Падучева 1996]. При директивном значении возможно употребление личного местоимения второго лица в именительном падеже (*ты/вы*). Местоимение предшествует императиву или следует за ним (например, см. [Fortuin 2000: 88–94] для анализа разных порядков).

Следует отметить, что в случае 2 л. мн.ч., т.е. при множественном адресате или при обращении на «Вы», употребляется постфикс *-те*. Этот постфикс к значению императива ничего не добавляет. Он лишь подчеркивает признак множественности адресата. Постфикс *-те* употребляется и в некоторых других конструкциях с директивным значением, а именно у форм побуждения к совместному действию (*пойдемте; давайте решать*) и у директивных частиц (*нате! нуте!*), но отсутствует у директивного инфинитива (**встать-те!*). Постфикс *-те* также не присоединяется к сочетанию частицы *пусть* с формой 3-го лица. Как будет изложено ниже, возможность присоединения этого постфикса является критерием выделения тех императивных употреблений, у которых субъектом действия является адресат, и говорящий может прямым образом воздействовать на адресата.

Императив сочетается с рядом частиц, вносящих дополнительные оттенки. Одна из них – частица *-ка*. Она указывает на то, что мысль о желательности реализации действия только что пришла в голову говорящему (подробный анализ употребления этой частицы дается в работах [Храковский, Володин 1986; Левонтина 1991]).

Частица *-ка* употребляется также в конструкциях совместного действия (*пойдем(те)-ка; давай(те)-ка решать*), у директивных частиц (*на-ка!, ну-ка!*), у формы прошедшего времени в директивном употреблении (*пошел-ка ты вон отсюда!*); у формы 3-го лица повелительного наклонения (*пусть-ка*), у инфинитива (*А обложить-ка этих нефтяных баронов непомерной данью, чтобы не знали «черное золото» на экспорт, а продавали все на своем, внутреннем рынке!* (Аргументы и факты. 2003.03.26))⁵ и у формы 1 л. настоящего-будущего совершенного вида (*Пойду-ка я спать.*) Таким образом, возможность употребления частицы *-ка* можно считать критерием для установления наличия значения волсизъявления говорящего в широком смысле. Как будет изложено ниже, эта частица употребляется у всех императивных значений, кроме долженствовательного, повсствовательного и уступительного.

2.3. Кроме предложений, где говорящий хочет, чтобы адресат совершил действие, есть и примеры, где говорящий фактически только хочет, чтобы собеседник представил себя в позиции субъекта действия. Такие предложения имеют значение обусловленности: *[А] спроси у него, как пройти к фабрике – он тебя обольет презрением с ног до головы* (Стругацкие. Гадкие лебеди). Такие условные предложения иногда имеют уступительный характер: *Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Подобная условная (а иногда и условно-уступительная) разновидность директивного императива наблюдается во многих других языках (см., например [Davies 1986; Donphauser 1986]). Это свидетельствует о тесной связи между признаками «повеление» и «условие». Данная разновидность употребления императива встречается в контекстах, где он сочетается с другим предложением, позволяющим сделать вывод о том, что говорящий хочет всего лишь иллюстрировать связь между указанными ситуациями и не имеет в виду, что собеседник действительно совершал императивное действие. На это указывают следующие признаки:

- i. Императивное предложение является первой частью сложносочиненного предложения. Вторая часть выражает действие в будущем.
- ii. Рсализация императивного действия обычно ведет к негативным последствиям, или, в тех случаях, где императивное действие представляется как желательное, есть другие признаки, указывающие на гипотетический статус его. Например: (а) неконтролируемость императивного действия; (б) обобщенно-личный характер субъекта императивного действия, связанный с целью говорящего сигнализировать существование общей условной связи между указанными двумя ситуациями.

В таких контекстах можно говорить о селекции признака «представление императивного действия», и о частичном устранении признака «действительная реализация императивного действия»: «Говорящий хочет, чтобы собеседник только представил себя в позиции субъекта ($\rightarrow \text{SIT}(V)$) для того, чтобы тот осознал возможные последствия реализации такой ситуации».

Несмотря на то, что можно говорить о частичном устранении признака «действительная реализация императивного действия», нельзя говорить о полной утрате этого признака. Этому противоречат следующие признаки, указывающие на сохранение конструкцией некоторой повелительности.

Во-первых, употребление директивного постфикса *-те* в случае 2 л. мн.ч. Во-вторых, императивное предложение всегда предшествует другой части сложносочиненного предложения. Обратимость частей, то есть свободная перемена их позиций, недопустима. Данный порядок частей предложения указывает на то, что значение условия является вторичным значением, вытекающим из значения волсизъявления.

⁵ В современном языке такое употребление встречается совсем редко.

В-третьих, наличие переходных типов употребления, а именно тех предложений, которые имеют как директивный, так и условный характер. Например, рекламные тексты: *Свяжитесь с нами сейчас и Вы получите бесплатную гарантию на весь 2004 год!* (Электронное объявление). Здесь, очевидно, «говорящий» действительно желает, чтобы адресаты совершили действие. Однако в ряде примеров наличие такого желания является менее очевидным, например: *Побывайте в музее, и вы поймете, что каждый из нас – только частичка огромной, одной на всех Жизни* (Вечерняя Москва. 2002.10.10). Здесь автор прежде всего хотел описать впечатления от своей 20-минутной встречи с динозавром в музее. Наконец, есть примеры, где говорящий, скорее всего, негативно оценивает императивное действие: *Попробуйте поголодать пару дней – и вы в этом легко убедитесь* (Трамвай. № 12. 1990). Однако и в подобных случаях признак желания действительной реализации действия не утрачен полностью: говорящий выражает следующее – «было бы хорошо, если бы собеседник сделал действие, но только для того, чтобы тот убедился в существовании предполагаемой говорящим связи между данными действиями». Но в случаях, где негативная оценка относится ко второй части предложения, признак желания реализации императивного действия, скорее всего, совсем утрачивается: *Только раз потеряй доверие товарищей и сразу окажешься в полном одиночестве* (Воинов. Отважные). В данном случае, в сущности, говорящий советует адресату не совершать действия. Однако здесь не утрачен признак импульса. Он проявляется своим компонентом «призыв к причастности»: употребляя императив, говорящий требует особого внимания слушателя по отношению к императивному действию, а это дает таким предложениям особый экспрессивный характер. Этим они отличаются от предложений с союзом *если*, а также и от разных сложносочиненных конструкций, в том числе конструкции с глаголом *стоит*.

Во многих предложениях условная разновидность директивного императива имеет характер некоторой «непосредственности»: реализация императивного действия сразу ведет к другой ситуации. По нашему мнению, характер непосредственности является определенной частью интерпретации общего/абстрактного значения сложносочиненной конструкции. В этой конструкции употребляется союз *и*, который «обозначает такой ход событий, который считается известным, нормальным, т. е. полностью соответствующим нашему знанию ситуации, нашим представлениям об устройстве мира» [Урысон 2000: 99]. В случае употребления императива еще добавляется значение особого внимания слушателя по отношению к императивному действию (подробный анализ см. [Foguin, Voogant (in prep.)]).

Как было указано выше, существуют также предложения с условным значением при подлежащем 1-го или 3-го лица (типа *Приди он вовремя, ничего бы не случилось*). По нашему мнению, они уже относятся к отдельному типу, имеющему ряд собственных семантических и синтаксических признаков (например: в случае 2 л. мн. ч не употребляется постфикса *-те*; порядок слов всегда является VS). Об этом условном императиве см. раздел 6.

3. ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ

3.1. Примеры императива в предложениях, выражающих долженствование: *Вася, что получит, то и пропьёт, а я крутись – вертись на свою зарплату* (И. Грскова. Перелом); *Мы плати за купе, а им оно бесплатно* (Павлов. Карагандинские девятины...). В таких предложениях говорящий не дает адресату импульс к совершению действия, но лишь сигнализирует наличие некоторого импульса, направленного к (прямо или косвенно) указанному субъекту действия: *У нас будь тишина, а им можно шуметь?* [РГ 1980: 116]. Источником импульса к совершению действия является сама ситуация, существующая в момент речи. Это может быть связано с требованиями каких-нибудь людей, участвующих в ней, но это не является постоянным признаком предложений данного типа: *В этом году зима суровая, а дрова кончились, вот мы тут и мерзнем* [Israeli 2001: 10].

Во многих случаях говорящий оценивает императивное действие отрицательно. Тогда императивное предложение обычно является частью противительной конструкции (см. первые два из приведенных выше примеров). Шведова [Шведова 1974: 117] отмечает, что есть и примеры, где говорящий относится положительно к действию: *Взялся учить, так он и учи*. Такие примеры типичны для языка девятнадцатого века или разговорной речи и близки к оптативному значению, где импульс дается говорящим (ср. конструкцию с частицей *пусть*).

Несколько примеров стоят отдельно. Например, такие, в которых можно говорить об оценке действия как простого, доступного, легко осуществимого («нужно только»): *А наш Николай ей ни на что не нужен. А он тянется вообще уйти за ней. Она только моргни* (Петрушевская. Уроки Музыки). Этот пример (с формой *только*) близок к случаю условного значения, где говорящим дается импульс адресату только *п р е д с т а в и т ь* с с б с действием. Подобное значение также возникает в предложениях обобщенно-личного типа с глаголом совершенного вида: *И бурым тут, и роем, и всюду тут новости. Почему же с лесным урожаем, где наклонись и возьми, никаких новостей?* [РГ 1980: 117] («достаточно наклониться, и можешь взять»). Интересно отметить, что в этом примере второй императив выражает не долженствование, а возможность: ситуация, представленная первым императивом, является условием для реализации (возможности) второго императивного действия. В данной конструкции оттенки разрешения встречаются только изредка, прежде всего при отрицании и в совершенном виде: *В переднем вагоне скучно и хмурно и на ногу никому не наступи* (Зощенко. На живца); *Он все дни где-то пропадает, а я из дому не выходи* [Храковский, Володин 1986: 238]⁶.

В отличие от директивного императива подлежащее стоит в первом или третьем лице (ед. или мн. ч.) или отсутствует (в случае безличного предложения): *В доме всегда будь тепло, а сам не хочешь даже дров принести* [РГ 1980: 590]. Порядок слов в предложениях с подлежащим в принципе является свободным, но обычно подлежащее предшествует императиву.

Во многих случаях субъект императивного действия не получает эксплицитного выражения. Такие предложения имеют обобщенно-личный характер и лишь имплицитно относятся к первому или третьему лицу: *Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь – как тетки хотят* ([Шведова 1974: 113] из письма Пушкина). Некоторые из этих предложений представляют собой переходные случаи с ослабленным директивным значением: *Рыбацкий закон: раз старшина говорит – выполняй. Идет вода – значит, эх, не жалей сил, работай, создавай дамбы* [Васильева 1969: 40]. Интересно отметить, что при имплицитном отношении действия к говорящему возможно даже употребление местоимения второго лица, которое тогда приобретает обобщенное значение: *Грязь, чичер, ни пути ни дороги, а ты иди, кланяйся...* (Бунин, цит. по [Veugens 1980: 96]).

В современной (часто – разговорной) речи для выражения субъекта действия иногда употребляется личное местоимение в дательном падеже: *[Е]го по носу припечатали, ребенка забрали, ведро помоев на голову вылили, а ему сиди и не вякай?* (В. Седлова. Восемь-восемь, или предсвадебный марафон) (см. также [Шведова 1974: 112]). Можно предполагать, что употребление дательного падежа возникло под влиянием инфинитивных предложений с местоимением в дательном падеже, типа: *Все летают, бьют врага, а мне сидеть без дела...* (А. Недбайло. В гвардейской семье). Этот вариант представляет собой очередной шаг в удалении от директивного значения.

⁶ В разговорном языке также встречаются примеры несовершенного вида, которые выражают модальность, близкую к значению возможности-разрешения, с оттенком неодобрения: *Когда я увидела, что он открывает эту будку ключами и в ней просто никого нет... ангел-хранитель шепнул мне на ушко, меня прошиб животный ужас и я поняла, что еще секунда и делай он со мной, что хочешь...* (письмо на сайте www.nelegal.ru). В других примерах (с глаголом *делать*) значение возможности-разрешения также накладывается значением выражений типа *что хочешь*: *это было весьма сложно для меня... он пил, он управлял ею, он пугал ее и она велась, он делай все что хотел...* (Форум в интернете)

Вид у долженствовательного императива в большинстве случаев несовершенный, поскольку речь идет об определенном с о с т о я н и и. В данной конструкции совершенный вид встречается прежде всего при отрицании (см. п. 3.2); (см. [Fortuin 2000: 118–120] для других исключений).

Важно отметить, что в случае употребления местоимения *вы* с обобщенным значением не употребляется директивный постфикс *-те*⁷. Наряду с этим есть и другие признаки, указывающие на отсутствие директивного признака у долженствовательного значения: (а) наличие безличных предложений, (б) отсутствие частицы *-ка*, (в) возможность употребления императива в придаточной части предложения: *Пашем как мудаки а вы чаи гоняете на нас и не смотрите вот как. Значит выходит что мы работай а вы с Николаем певать на нас?* (В. Сорокин. Норма).

3.2. В обобщенном виде значение всех предложений долженствовательного типа можно сформулировать следующим образом: «Употребляя императив, говорящий сигнализирует наличие импульса, исходящего из общей ситуации и направленного на реализацию императивного действия, и в то же время выражает призыв к адресату проявить определенную причастность по отношению к императивному действию (во многих случаях говорящий хочет обратить внимание на неприятные последствия реализации действия, и подчеркивает это, сопоставляя свою ситуацию и (более положительную) ситуацию других людей)».

Схема 2

Импульс	Цель импульса	Субъект ситуации	Объект импульса
Общая ситуация	→ $SIT(V_{aspect})t_1$	$C = 1/(2^*)/3$ ед.-мн./безл.	C

* Местоимения *ты* (возможно, и *вы*) допускаются, но выступают здесь исключительно с обобщенно-личным значением.

Важно отметить, что в большинстве контекстов значение импульса интерпретируется как выражение долженствования, и только в редких случаях как выражение возможность. По нашему мнению, преобладание интерпретации долженствования объясняется тем, что признак «импульса, направленного к реализации действия», прототипически интерпретируется именно так, если не имеются указания на существование у субъекта особого желания к совершению действия. Для долженствовательных случаев характерно предположение, что без экстренного импульса субъект действия не перейдет к действию. Подобное явление наблюдается в сочетании с именем существительным в дательном падеже (анализ см. [Fortuin 2005]).

3.3. По нашему мнению, долженствовательный императив является результатом транспозиции директивного императива вследствие отвлечения от прямого контекста говорящего-адресата и ослабления роли говорящего при реализации действия. Импульс к самой реализации действия уже не исходит от говорящего. Говорящий видит источник импульса в самой окружающей ситуации. Итак, можно говорить о селекции признака: «Импульс к реализации действия исходит из источника, не идентичного говорящему и субъекту действия» и частичное устранение признака: «произнося форму императива, говорящий дает импульс адресату к реализации ситуации». Мы говорим о частичном устранении, потому что компонент «призыв от говорящего к адресату проявить определенную причастность по отношению к императивному действию» здесь остается

⁷ Мы встретили только примеры с личным местоимением в дательном падеже, например: *А тут еще слухи ползут о некоем человеке по имени дон Жуан, а вам сиди и гадай: то ли вы – всего лишь очередная жертва ловкого ловеласа, то ли вам, действительно, встретилась та любовь, о которой мечтает каждая женщина* (Интернет).

в силе. Именно это объясняет так называемые субъективно-модальные оттенки (прежде всего оттенок неодобрения), которые характерны для таких предложений. Возможно, что предложения с обобщенно-личным характером должны рассматриваться как переходные шаги в процессе транспозиции. В таких предложениях предполагается, что субъектом действия должен стать не только собеседник, но вообще каждый человек, находящийся в данном положении⁸. Здесь говорящий частично отождествляет себя с экстренным источником импульса (*Когда ты находишься в таком положении, тогда: → SIT(V_{+aspect})!*). Следует отметить, что существует также определенная связь между долженствовательным значением и оптативным значением (см. п. 5). Можно предположить, что в развитии долженствовательного императива особую роль играло именно оптативное употребление.

4. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ

4.1. Как известно, императив употребляется также для выражения значения неожиданности проявления действия в прошлом. Во многих таких предложениях императив обозначает действие, осуществляющееся без всякого видимого повода, внезапно (часто с наречием *вдруг*): *И вдруг тогда, в ту секунду, кто-то и шепни мне на ухо* ([Veugens 1980: 104], Достоевский); *Да и то: все обещала, обещала, вот и в «Знамя» определила анонсом название, короткое, непонятное, – «Кысь».* «Знамя» роман объявило, а вдруг он и выйди отдельным изданием! (Знамя. 2001. № 3).

Значение неожиданности может быть связано с нарушением некой нормы. Субъект совершает действие просто так, и говорящий оценивает это отрицательно: *Как-то вели концерт, стали объявлять группу: «Хай! Фай!» – и кому-то из подвыпивших зрителей показалось вместо «хай» – «хайль!», ну он и закричи: «Хайль Гитлер!»* (Дочки-Матери. 2003.01.22).

Указанный тип употребления императива можно назвать повествовательным, потому что речь идет о действии в прошлом, об определенном шаге в повествовании. Другой термин, часто используемый в литературе, – *драматический императив* [Исаченко 1957; Перцов 1998] – подчеркивает экспрессивный характер данного значения. Повествовательный императив типичен для разговорной речи [РГ 1980: 625] и фольклорных произведений. Он представляет так называемый «сказ» (см. [Прокопович 1969]).

Подлежащее в основном стоит в первом или третьем лице (ед. или мн. ч.) или отсутствует (в случае безличных предложений): *[Н]ам ведь так бы важно узнать, не видели кто их, в восьмом-то часу, в квартире-то, что мне и вообразишь сейчас, что вы тоже могли бы сказать* (Достоевский, цит. по [Прокопович 1969: 56]). Предложения с субъектом второго лица встречаются весьма редко: *А ты пойд и скажи об этом бабушке?* [Виноградов 1947: 552].

В данном типе употребления императива подлежащее, как правило, предшествует сказуемому. В большинстве случаев императив сопровождается союзом-частицей (*да*) и, стоящим непосредственно перед императивом. Этот союз, пожалуй, акцентирует неожиданный характер действия.

Для повествовательного императива обычным является сочетание с формой *возьми*: *А она, эта неуловимая, невозможная идея, возьми и появиись!* (Независимая газета. 2003.04.28). Данное сочетание является частным проявлением общей конструкции с глаголом *взять*, представленной и с другими глагольными формами (прошедшее время, настоящее-будущее время, императив, инфинитив). Эта конструкция обладает собственным значением, которое, однако, легко накладывается на значение рассматриваемой здесь императивной конструкции (более подробно см. [Fortuin 2000: 149–161; Kor-Chahine 2006]). В современном языке (XX–XXI вв.) при повествовательном императиве

⁸ Интересно отметить, что подобные предложения уже употреблялись в XIV веке ([Зализняк 2004: 588–589] дает пример без подлежащего из новгородского текста).

употребление глагола *взять (возьми)* стало почти обязательным⁹. Можно полагать, что это связано с утратой одного из основных компонентов признака «импульс» – направленности на реализацию действия. Употребляя отдельное слово (*взять*), говорящий может ярче выразить значение неожиданности.

Вид глагола всегда совершенный, характерный для обозначения следующих друг за другом элементов повествования.

Как и у долженствовательного употребления, наблюдаются разные признаки, указывающие на отсутствие директивного значения: (а) отсутствие постфикса *-те* и частицы *-ка*; (б) возможность безличных предложений; (в) возможность данного употребления императива в придаточной части предложения.

4.2. В обобщенном виде значение всех предложений повествовательного типа можно сформулировать следующим образом: «Произнося форму императива, говорящий предлагает себе (и адресату) неожиданную реализацию императивного действия, требуя особого внимания от адресата к неожиданному характеру действия».

Схема 3

Импульс	Цель импульса	Субъект действия	Объект импульса
Не направлен к реализации действия*	(→ SIT(V _{aspect})t ₁)	C = 1, 2, 3, безл.	(адресат)*

* Сохраняется только компонент призыва адресату к особой причастности к императивному действию.

Мы предполагаем, что повествовательный императив является результатом крайней транспозиции императива, где основной компонент признака «импульс» (направленность на реализацию действия) устранен.

4.3. В литературе высказываются разные мнения о происхождении повествовательного императива. А.А. Шахматов [Шахматов 1925] и, следуя ему, другие считают, что данное употребление императива генетически не связано с другими императивными значениями, а является пережитком формы аориста. Однако это предположение кажется не совсем верным (см. [Fortuin 2000: 143–144; Gronas 2006]). Гронас [Gronas 2006: 97] считает, что значение неожиданности действия уже было частью протославянского и даже индоевропейского оптатива, который впоследствии развился в славянский императив. В качестве доказательства он указывает на существование подобных значений при употреблении оптатива в осетинском языке, а также при императиве нескольких других славянских языков: сербского, македонского и болгарского.

Следует отметить, что употребление формы повелительного наклонения для выражения неожиданного действия в прошлом представлено не только в определенных индоевропейских языках. Это явление отмечено и в других языках, например, в арабском (см. [Roni 1994]). Важно отметить, что существуют определенные различия между значением русского повествовательного императива и, например, подобным значением императива в других славянских языках¹⁰.

⁹ Хотя и не совсем, прежде при (почти) устойчивых сочетаниях типа *он/я и скажи*.
¹⁰ В болгарском и македонском языках императив имеет усилительное значение [Gronas 2006: 93], и связь с директивным значением выступает яснее, чем в русском языке (например, субъект формально не выражается). Далее, в македонском языке и нескольких диалектах сербохорватского языка повествовательный императив может иметь значение итеративности, без указания на неожиданность действия (см. [Darden; Belyavski-Frank 1991: 128]). Наконец, в сербохорватском языке повествовательный императив не всегда имеет характер неожиданности (см. примеры, данные в работе [Стевановић 1969: 683]) и является прежде всего выражением живого стиля повествования. Это, пожалуй, указывает на то, что в данных языках подобные употребления возникли в разные моменты и, возможно, из разных частных значений.

По нашему мнению, можно увидеть некоторую связь между отмеченным значением неожиданности и указанным выше значением «наличия импульса к совершению действия», характерным для большинства случаев употребления императива. Эту связь мы видим в том, что при прототипическом (директивном) употреблении императива существует пресуппозиция, что без некоторого внешнего стимула (призыва, исходящего от говорящего) субъект императива (адресат) не переходит к реализации действия. Т. е. обычно такое действие заранее не входит в намерения субъекта, является в какой-то мере для него неожиданным. Можно предполагать, что и первоначальные примеры повествовательного императива были мотивированы тем, что говорящий представлял себе реализацию действия как результат некой «неопознаваемой силы», которая своим, неожиданным образом, вмешивается в нормальное развитие событий. Видимо, признак «субъект действия совершает действие под влиянием импульса извне» преобразовался в признак «действие является неожиданным», который первоначально был лишь сопроводительным оттенком значения.

Как отмечено выше, в современном языке, скорее всего, отсутствует представление о стимуле, направленном к совершению действия. «Импульс» проявляется здесь исключительно в «призыве к причастности адресата». Оттенок неожиданности является его частным проявлением. Во многих контекстах этот компонент связан еще и с такими субъективно-модальными оттенками, как неодобрение (нарушение некой нормы).

5. ОПТАТИВНЫЙ ИМПЕРАТИВ

5.1. К оптативному употреблению императива относятся предложения типа: *Награди вас господь за вашу добродетель* (Пушкин. Капитанская дочка); *Будь ей теперь моя судьбина! / Томись она, кручись она! / С тоски иссохни, как лучина! / Умри она!* (Боратынский. Цыганка). В [РГ 1980: 110] оптативное употребление императива рассматривается в рамках «синтаксического побудительного наклонения», выражающего волеизъявление. Важно отметить, что примеры, данные выше, относятся к языку XIX века и что в современном русском языке оптативный императив уже не является продуктивным, т. е. данный тип употребления встречается почти исключительно в идиоматических выражениях. В современном языке нейтральным выражением «оптативности» является конструкция с частицей *пусть*. Хотя в современной системе синтаксического побудительного наклонения оптативный императив является периферийным явлением, в праславянском языке, а также в древнерусском и церковнославянском языках, оптативную функцию следует считать как раз первичной. Напомним, что форма праславянского императива произошла из индоевропейского оптатива (см. [Gronas 2006: 93]).

5.2. Подлежащее оптативного императива стоит в 1, 2, 3 л., часто отсутствует (в безличных предложениях): *Будь бы здесь тихо!* [РГ 1980: 106]. В случае подлежащего 2 л. ед. числа границы между оптативным и повелительным употреблением стираются. Это проявляется также у подлежащего мн. числа: есть примеры с постфиксом *-те*, а также примеры, где он отсутствует: *Провались вы!* (Чехов. В овраге); *Хоть провалитесь вы все сквозь землю!* (Достоевский. Подросток). Это свидетельствует о том, что случаи со 2 лицом – во всяком случае в XIX–XX вв. – можно рассматривать как переходные типы употребления. Только во 2 л. мн.ч. эта «неопределённость» должна быть решена выбором постфикса *-те* или его отсутствием.

Признаком, указывающим на то, что оптативному императиву присущ признак волеизъявления, является возможность употребления частицы *-ка*: – *Ах! он такой-сякой! – вскричала толпа. – Приди-ка он к нам!..* (И. Лажечников. Последний Новик).

В [РГ 1980: 106, 624] отмечается, что в разговорной речи и просторечии употребляется форма *будь* в сочетании с частицей *бы*. Можно привести также примеры с другими глаголами: *Избави бы нас Бог от такой блаженности!* (Наш современник. 2003.07.15); *[У]ж пропадай бы они* (Вельтман, XIX в., цит. по [Виноградов, Шведова 1964: 226]). Возможность употребления частицы *бы* указывает, пожалуй, на частичное удаление признака «импульс» (ср. употребление частицы *бы* при условном императиве; см. п. 6.2).

В данном типе императив, как правило, предшествует своему субъекту. Исключения встречаются редко: *Его пример будь нам наукой* (Пушкин. Моя родословная). Порядок VS типично для всех желательных конструкций, не включающих условного союза *Уехали бы они!*; *Жить вам до ста лет!*

Оптативный императив допускает оба вида. Чаще всего встречается совершенный вид, обозначающий переход, вступление в желательное состояние. В случае употребления несовершенного вида внимание сосредотачивается на самом действии: *Пропадай они совсем* (Мельников-Печерский. На горах).

5.3. В обобщенном виде значение предложений оптативного типа можно сформулировать следующим образом: «Произнося эту форму, говорящий дает импульс к реализации императивного действия субъектом императива». Это значение предполагает, что: (а) говорящий желает реализации действия; (б) употребляя форму императива, говорящий пытается способствовать реализации действия.

Схема 4

Импульс	Цель импульса	Субъект действия	Объект импульса
Говорящий	$\rightarrow \text{SIT}(V_{\text{аспект}})I_1$	$C = 1/2/3 \text{ ед.-мн./безл.}$	[высшая сила/(адресат)]

Говорящий употребляет этот тип императива в контекстах, где субъект действия не участвует прямым образом в разговоре. Говорящий не может прямо способствовать реализации действия, воздействуя на субъект, но пытается способствовать *н е п р я м ы м* образом. Употребляя эту форму, говорящий часто имеет в виду, что сверхъестественный феномен, как Бог или черт, должен играть определенную роль в реализации действия. Однако мы не можем согласиться с мнением Вейренка [Veyrens 1980: 101–102], что все употребления оптативного императива предполагают именно призыв к «высшей силе». В XIX в. встречаются примеры, где говорящий явно имеет в виду, что его собеседник поручил третьему лицу совершить действие: *Благодарю милую Машеньку ... и нежно целую; перецелуй она также за меня сестриц и Павлушу* (Вяземский, 1826, цит. по [Виноградов, Шведова 1964: 225]). В современном русском языке в подобных случаях используется частица *пусть*.

6. УСЛОВНЫЙ ИМПЕРАТИВ

6.1. В п. 2.3 было показано, что в определенных условиях директивный императив (2 л.) может приобрести оттенок условия. В этом разделе мы обсуждаем конструкцию, специализированную для выражения условия. Как будет показано ниже, эту конструкцию следует рассматривать как транспозицию оптативного императива.

К условному императиву относятся предложения типа: *Сумей я вовремя позвонить, и все было бы иначе* (Встреча (Дубна). 2003.04.09); *Бунин, не эмигрируй он, никогда бы не написал «Жизнь Арсеньева», не залетел бы на такую высоту* (Совершенно секретно. 2003.07.07). Как и у условных конструкций с союзом *если*, различаются предложения со значением нереальной обусловленности (см. примеры выше) и предложения со значением потенциальной обусловленности: *Опоздай я чуть-чуть, и она унесется в будущее без меня* (Трамвай. № 1. 1991)¹¹.

¹¹ В редких случаях условный императив соотносится с глагольной формой прошедшего времени несовершенного вида, изображающей реальное, повторявшееся действие [Шмелев 1961: 54]: *Всякий, кто только хотел, мог увести его с собой куда угодно; стоило только сказать ему: Иван Ильич, поедemте, – он брал шапку и ехал; а подвернись тут другой и скажи ему: Иван Ильич, останьтесь, – он клал шапку и оставался* (Гургенев. Затишье). Подобные предложения примыкают к потенциальному типу.

6.2. Подлежащее императива стоит в первом, втором или третьем лице (ед. или мн. ч.) или отсутствует (в случае безличных предложений): *Рассветай сегодня пораньше, я бы встал во-время* (Дурново, цит. по [РГ 1980: 104]). Субъект 1-го лица иногда опускается (в предложениях с обобщенно-личным характером): *Встреть бы тебя на базаре, так бы и не признала* (Пермяк. Бабушкины кружева).

Необходимо отметить, что во втором лице множественного числа (вы) не употребляется директивный постфикс *-те*: *Не будь вы, а другая – ни за что бы не пошел провожать* (Зощенко. Любовь); *Они боятся Вас. Приди Вы к власти – и всем им наступит конец*¹². Это свидетельствует о том, что в условной конструкции отсутствует директивное значение.

Редкие примеры с частицей *-ка* свидетельствуют о том, что условный императив до какой-то степени сохраняет признак оптативности: *Выставь-ка он Собакевича и Ноздрева как помещиков, – они, может быть, превратились бы в злодеев; Гоголю не хотелось этого...* (Д. Григорович. В ожидании паромы (1857)) (для других примеров см. [Garde 1963: 215]). Однако насколько мы можем судить, в современном языке частица *-ка* фактически не встречается в условной императивной конструкции.

В соответствии со значением обусловленности, которое обычно предполагает последовательность предельных действий, чаще всего употребляется императив совершенного вида. Несовершенный вид встречается в тех случаях, когда говорящий хочет выразить, что в качестве условия выступает не смена ситуаций, а определенное состояние. Это наблюдается чаще всего в предложениях со значением нереальной обусловленности: *И когда в редких репортажах показывают, как живут наши реальные, не киношные, герои, поневоле задумываешься: знай он, чем оплатит ему Родина за его подвиг, стал бы своей жизнью рисковать?* (Известия. 2002.06.06)¹³.

Императив предшествует субъекту. Этот порядок типичен для всех условных (а также желательных) конструкций без союза *если*: *Учился бы сын, мать бы не огорчалась* [РГ 1980: 104–105]; *Прийти бы тебе раньше, и мы обо всем бы договорились* [Формановская 1989: 42]. Следующий пример, с особым подчеркиванием подлежащего, представляет собой исключение: *А если бы сам свалился? Не обижайтесь, милорд, но больные – такой заразный народ! Что бы я одна с вами двумя делала? Ну, а я заболею? Отец Ансельм объявил бы свой дом лазаретом, и на нас не покусились бы ни один вампир!* (А. Белянин. Век Святого Скиминока) (для других примеров см. [Шмелев 1961: 53; Муравицкая 1973: 54]).

Как отмечалось выше, различаются предложения со значением нереальной и потенциальной обусловленности. Выбор данной интерпретации зависит от формы предиката главной части конструкции: при нереальной обусловленности употребляется форма сослагательного наклонения. Интересно отметить, что в разговорной и в непринужденной речи показатель нереальности – частица *бы* – может встречаться также в придаточной (императивной) части (см. [РГ 1980: 104]): *Кажется, спроси бы у меня за нее татарин не то что мою душу, а отца и мать родную, и тех бы не пожалел (...)* (Н. Лесков. Очарованный странник); *Может, вернись бы она ещё раз и скажи ему твёрдо – он уступил бы* (Солженицын. Случай на станции Кочетовка). Думается, что подобное употребление частицы *бы* свидетельствует об уравнивании императивной условной конструкции с

¹² www.yabloko.ru/Gbook/gb-arc2.html

¹³ В конструкции со значением потенциальной обусловленности несовершенный вид употребляется прежде всего в предложениях с уступительным характером: *Впрочем, и знай она, где я похоронен, все равно выцарапать меня никаких возможностей не представится* (А. Тюрин. Конечная остановка: Меркурий). Однако употребление несовершенного вида в предложениях без подобного уступительного характера возможно, если употребление настоящего времени совершенного вида во второй части предложения (аподосис), связано с выражением предстоящей ситуации в рамках прошлого: *Меня сразу пронзила мысль: (...) стоит ему проведать о твоём поступке – и ты в его руках. Знай он, кто ты и что ты сделал – и он вытащит тебя из этого фиакра...* (С. Цвейг. Фантастическая ночь...).

другими условными конструкциями. Т. е. можно считать, что в современном языке границы между этими конструкциями стираются (см. также [Hacking 1998: 82–83], что свидетельствует об общей тенденции к морфологической симметрии в подобных конструкциях).

Императивная условная конструкция состоит из двух частей, синтаксическое отношение между которыми часто оформляется союзом *и*. Реже встречаются союзы *а, так, то, как*. Однако во многих случаях синтаксические отношения выражены исключительно посредством интонации. Обычно императивная часть предшествует главной части предложения, но не исключается и обратный порядок: *Она никогда бы не догадалась, что он – чужак, не скажи он об этом* (Азимов. Галка в небе).

Следует отметить, что последний порядок отсутствует у директивной конструкции с условным характером. Другой признак, указывающий на отсутствие директивного значения, – употребление условного императива в придаточном предложении с союзом *что*: *Я чувствую, что, будь их побольше, многие, пожалуй, решились бы относиться к нему без всякого уважения, и уж тогда им ничего не мешало бы жить так, как они хотят* (Искандер. Рассказы разных лет).

6.3. В обобщенном виде значение предложений условного типа можно сформулировать следующим образом: «Говорящий дает волевой импульс адресату, чтобы тот представил себе императивную ситуацию для оценки ее возможных последствий ($\rightarrow \text{SIT}(V)t_1$)» (ср. [Ebeling 1956]).

Схема 5

Импульс	Цель импульса	Субъект ситуации	Объект импульса
Говорящий	$\rightarrow \text{SIT}(V_{\text{+аспект}})t_1$ в гипотетическом или неосуществленном мире	$C = 1/2/3$ ед.-мн./безличн.	Адресат

Условное значение выступает, когда императивное предложение является частью сложносочиненного предложения. Как уже отмечалось в п. 2.3, подобное явление встречается при директивном употреблении. Однако существуют формальные различия между условным употреблением директивного императива и условным императивом. Только у первого типа есть признаки, указывающие на директивность:

Условное употребление директивного императива

- В большинстве случаев субъект 2 л. мн./ед. ч. не выражается (и имеет обобщенно-личный характер); в редких случаях субъект 2 л. мн./ед. ч. выражается местоимением;
- При субъекте 2 л. мн. ч. употребляется постфикс *-те*;
- Порядок слов при местоимении (субъект) 2 л. мн. ч. (VS)/SV. Порядок слов при субъекте 2 л. ед. ч. VS / SV¹⁴;
- Обязательная позиция императивного предложения перед несимперативной частью;
- Обусловленность имеет потенциальный характер.

Условное употребление

- Субъект 1, 2, 3 л. ед./мн. ч. или безличный;

¹⁴ Мы встретили только примеры при субъекте 2 л. ед./мн. ч. с порядком SV, где говорящий действительно желает реализации действия: *А ты посмотри на соседнюю страницу – и станет понятно, как от одного корня можно получить более десятка новых слов!* (Трамвай. № 6, 1990).

- При субъекте 2 л. мн. ч. не употребляется постфикс *-те*;
- Порядок слов VS;
- Императивное предложение стоит перед или после неимперативной части;
- Обусловленность имеет потенциальный или нереальный характер.

Эти признаки свидетельствуют о том, что в условном императиве импульса адресату нельзя представить себя в позиции субъекта императивного действия, но только лишь, чтобы тот представил себе императивную ситуацию. Максимальная разница с условным употреблением директивного императива выступает в контексте условного императива 1, 2, 3 л. с нереальным характером. Минимальная разница выступает в контексте условного императива 2 л. с потенциальным характером. Однако даже в таком контексте можно говорить о семантических различиях. При условном употреблении директивного императива говорящий делает вид, будто он побуждает адресата совершить действие. Однако из контекста ясно, что говорящий желает всего лишь иллюстрировать связь между указанными ситуациями и не имеет в виду, чтобы собеседник действительно совершил императивное действие, например: *Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем*. Наоборот, условное употребление потенциального типа применяется, когда реализация действия, пожалуй, неожиданная, но могла бы быть реальной ('представь себе что'): *Они боятся Вас. Приди Вы к власти – и всем им наступит конец* (см. дальше п. 6.4). В этих примерах (с субъектом 2 л. мн. ч.) семантическое различие связано с употреблением или неупотреблением постфикса *-те*. Приведем примеры с субъектом 2 л. ед. ч.: [А] *спроси у него, как пройти к фабрике – он тебя обольет презрением с ног до головы; Сгинь ты в сумраке – и с меня начальство снимет голову* (С. Лукьяненко. Ночной дозор). Однако различие между предложениями без субъекта (при обращении на «ты») и с местоимением 2 л. ед. ч. небольшое и иногда не заметно. В таких предложениях выбор местоимения *ты* прежде всего связан с характером субъекта (предложения без местоимения *ты* имеют обобщенно-личный характер, между тем как в предложениях с местоимением *ты* указывает на определенного адресата)¹⁵. Поэтому здесь можно говорить о существовании переходных случаев. Как мы уже упоминали, при оптативном употреблении наблюдается то же самое явление (см. п. 5.2).

Нам представляется, что условный императив может быть результатом транспозиции оптативного императива (ср. [Исаченко 1957: 11]) и не должен рассматриваться как транспозиция условной разновидности директивной конструкции. Можно реконструировать путь развития условного императива следующим образом:

- Оптативное значение;
- Оптативное значение употребляется в конструкции с двумя предложениями;
- Конструкция с потенциальным условным значением;
- Конструкция с нереальным условным значением.

Оптативный императив выражает не только желание, но и не прямое побуждение к действию того, кто не участвует прямым образом в разговоре, а возможно, даже и не присутствует при нем (ср. *пусть*). Произнося эту форму, говорящий имеет в виду, чтобы адресат передал какому-то третьему лицу побуждение к совершению действия, или чтобы Бог («высшая сила») способствовал реализации действия. Последствия реализации желаемого действия можно выразить в отдельном предложении (а → б). Следующий шаг – утрата признака желания действительной реализации действия. Говорящий жела-

¹⁵ Такие предложения иногда даже имеют обобщенно-личный характер: *Нынче в России компьютеризация, действительно, что твоё поле чудес в стране дураков, только не «крекс, фекс, пекс», а скажи ты «e-gov», и тогда за ночь вырастет тебе тенистое дерево госфинансирования со стодолларовыми ассигнациями вместо листьев* (Лебедь (Бостон). 2003.12.07).

ст только реализации действия в г и п о т е т и ч е с к о м м и р е, хочет, чтобы у адресата возникло такое п р е д с т а в л е н и е, с целью обратить внимание на возможные последствия такого действия. Утрата признака «желательность осуществления действия», по всей вероятности, способствовала развитию условного значения императива и дальнейшему распространению сферы его употребления на те случаи, где действия уже совсем не выходят из области нереального (с → d).

Несмотря на то, что нужно было бы провести более подробное исследование для того, чтобы окончательно ответить на вопрос о происхождении условного императива, есть несколько фактов, поддерживающих вышеизложенную гипотезу.

Во-первых, употребление формы императива в функции оптатива встречается в древнерусских памятниках, но существование условных предложений с императивом, т.е. предложений выше рассматриваемого типа, там не наблюдается (см. [Борковский 1958: 70]).

Во-вторых, в XIX в. потенциальный тип условного императива встречался чаще, чем ирреальный тип. Однако в XX в. их соотношение изменилось в пользу последнего (см. [Voitenkova 2001: 207]).

В-третьих, в XIX в. при условном императиве встречалась 'побудительная' частица *-ка*, указывающая на определенный побудительный характер тогдашнего условного императива, но в XX в. подобное употребление данной частицы, насколько нам известно, фактически исчезло.

В-четвертых, в XIX и XX вв. частица *бы* употребляется уже в самом императивном предложении. Это можно воспринимать как указатель значительного ослабления признака побудительности при данном типе употребления императива в современном русском языке. Интересно отметить, что в современном разговорном языке даже встречаются предложения с эксплицитным указателем условности – союзом *если*: *Я вам еще раз говорю: даже если будь он сыном генералиссимуса, он получит свое, что заработал* (Калининградские Новые Колеса. 2004.08.01); *Если случись какой несчастный случай / просто говорят / это какой-то бомж попался / и прочее / всего-навсего* (НКРЯ; 2001.11.15). Хотя возникновению таких сочетаний, возможно, способствовал идиоматический характер оборота типа *случись*, это тоже можно было бы истолковать как результат дальнейшей утраты признака побудительности.

Наконец, оптативный источник объясняет, почему в русском языке условный императив потенциального и нереального типа употребляется с подлежащим 1 и 3 лица, поскольку в других языках, как, например, в английском, условный императив употребляется только с подл. 2 л., даже в предложениях нереального типа: *Say that and you would have been thrown out* [Davies 1986: 187].

Несмотря на то, что мы видим диахроническую связь с оптативным употреблением, мы не совсем можем согласиться с утверждением Перцова [Перцов 1998: 94], что при употреблении условного императива говорящий условно побуждает не к о т о р о е л и ц о выполнить соответствующее действие, и что в тех случаях, в которых субъект при императиве не обладает способностью к целесообразной деятельности, например, у неживых объектов, можно говорить о п е р с о н и ф и к а ц и и субъекта. Нам представляется, что значение условного побуждения субъекта, не присутствующего в разговоре, могло быть характерным для оптатива, но, по нашему мнению, в условном употреблении этот признак частично утрачен и сохраняется лишь как импульс, направленный к адресату, чтобы тот п р е д с т а в и л с е б е императивную ситуацию.

6.4. В литературе отмечен ряд модально субъективных оттенков условного императива, которые отсутствуют у обычной условной конструкции: (а) значение случайности/неожиданности [Исаченко 1957: 10–11; Васильева 1969; Israeli 2001: 20]; (б) значение уступительности [Муравицкая 1973]; (в) значение непосредственности [Garde 1963; Васильева 1969]. Характер непосредственности связан со значением сложносочиненной конструкции (см. п. 2.3). Другие оттенки значения вытекают из значения импульса, направленного к адресату, чтобы тот п р е д с т а в и л с е б е императивную ситуацию. Рассмотрим их более подробно.

Тот факт, что дастся импульс к представлению данного действия, предполагает, что это представление у адресата возникает не само по себе. Это может быть связано с тем, что связь между императивной ситуацией и другой ситуацией является неожиданной, либо что неожиданным является само возникновение императивной ситуации. (И здесь это можно связать с особым компонентом признака «импульс»: «Призыв к адресату проявить определенную причастность по отношению к императивному действию».) Это объясняет, наверное, почему предложения потенциального типа нельзя считать удачными, если реализация императивной ситуации представляется вполне вероятной: *Приди он вовремя – мы не опоздаем*. Израсли [Israeli 2001: 20] считает, что при потенциальной разновидности условного императива реализация императивного действия всегда приводит к негативным последствиям. Во многих случаях такая связь действительно существует, но есть и примеры, в которых названный признак явно отсутствует: *Кузин все равно скучал по ней. Приди она к нему, он ей все простит* (Звезда. 2001. № 8). В случаях, указанных Израсли, скорее всего, можно говорить о некоторой прагматической специализации.

Предложения нереальной обусловленности употребляются в тех случаях, когда указанные действия не осуществились в прошлом (т.е. со значением «контрфактичности»). В таких предложениях чаще всего выражается мысль о том, что действительность легко могла бы быть другой, если бы события развились несколько по-другому. Кроме того, встречаются примеры без отношения к прошлому, в них речь идет о не очень вероятном осуществлении данных действий в будущем. Можно полагать, что значение нереальной обусловленности само по себе имеет признак «неожиданности», поскольку неожиданным является само возникновение императивной ситуации. Возможно, что по сравнению с предложениями с союзом *если*, в обсуждаемых предложениях значение «невероятности» выражено ярче и часто представлено характером случайности (часто с оттенком, что императивное действие осуществляется «как на зло») (ср. [Israeli 2001: 22–26; Исаченко 1957: 10–11]). Однако это, очевидно, наблюдается не во всех предложениях данного типа, ср.: *Размер залога обычно сопоставим с той суммой, что была бы заблокирована на счёте клиента, плати он при помощи кредитки* (Автопилот. 2002.05.15). Что здесь остается от значения «импульса», так это, пожалуй, лишь более свободный стиль, связанный с признаком «говорящий призывает адресата проявить определенную причастность по отношению к императивному действию».

Другим примером прагматической специализации оттенка неожиданности является значение уступительности: *Да будь я и негром преклонных годов и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин* (Маяковский); *Сотвори Господь хоть пятьдесят Одесс, все равно в Одессе будет тесно* (Высоцкий). Оттенок уступительности, часто выраженный такими элементами, как [да + V] / [хоть + N], довольно типичен для условного императива и отсутствует, или менее ярко проявляется, в форме сослагательного наклонения (*Да был бы я негром преклонных годов...*). Указанные предложения являются переходными случаями между условными и уступительными конструкциями. По формальным признакам они ближе к условной конструкции, например, порядок слов: VS; не употребляется директивный постфикс *-те*: *Пенсию свою вы не перестанете получать, проживи вы хоть 150 лет* (Аргументы и факты. 2001.04.04).

Несмотря на то, что в большинстве случаев не употребляется директивный постфикс *-те*, при потенциальном типе он все же иногда фигурирует (в XIX и XX вв.): *...будьте вы хоть десять раз генералом, вас не прождут лишней минуты против назначенного срока (...)* (Д. Григорович. Корабль «Ретвизан»); *«Будьте вы хоть семи пядей во лбу, – говорил он, – вам никогда не удастся запомнить все напечатанное в грудах книг и таблиц (...)*» (Стругацкие. Страна багровых туч). Для таких предложений характерно употребление частицы *хоть*¹⁶. Насколько нам известно, в предложениях со

¹⁶ В интернете можно найти также примеры со словом *даже*: *Будьте Вы даже трижды правы в аварии, на тяжести травм это не скажется (...)* (<http://www.hardride.ru/sinus/?qa/139>)

значением нереальной обусловленности употребление постфикса *-те* недопустимо. Все указанные признаки предложений этого типа говорят о связи с уступительной конструкцией (см. п. 7). Однако другие признаки указывают как раз на связь с условной конструкцией (порядок слов VS; частица *хоть* не стоит перед глаголом). Поэтому эти предложения можно отнести к переходным типам употребления. Важно подчеркнуть, что существование таких переходных случаев типично для полисемичного комплекса. Подобные употребления могут привести к изменению языковой нормы (например, обязательное употребление постфикса *-те*).

Необходимо отметить, что признак «импульс», обязательный для рассматриваемых императивных конструкций, не входит в значение «конкурирующей» конструкции с формой сослагательного наклонения: *Потому что жизненного опыта у них нет, интеллект низкий. А пришел бы он в армию, его бы взбодрили, преподали бы ему школу жизни!* (Би-би-си, Россия). Однако все же существует большая семантическая близость между этими конструкциями. Это проявляется в примерах, где они обе употребляются в рамках одного предложения: *Вот будь сегодня монархия, допустим, и был бы он жив, он бы был, наверное, за коммунистов. Были бы коммунисты, он был бы за монархистов* (Радио Свобода. 2005.11.22).

7. УСТУПИТЕЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ

7.1. Императив употребляется также в сложносочиненных конструкциях с уступительным значением. Как мы уже отметили выше (п. 6.4), условная конструкция может иметь некоторый уступительный характер. Однако в этом разделе речь идет об отдельной, специализированной конструкции с самостоятельными семантическими и синтаксическими признаками. Различаются два типа (см. [Храковский 2004] уступительных конструкций и употребления разных терминов):

а) Предложения со скалярным характером, с частицей *хоть*, стоящей перед глаголом¹⁷: *Доктор говорил по-французски прекрасно, как не говорит ни один англичанин, хоть он живи сто лет во Франции* (Гончаров. Фрегат «Паллада»);

б) Предложения с частицей *ни*, имеющие у н и в е р с а л ь н о е или о б о б щ е н н о е значение: *Ведь что я ни говори, о чем я ни кричи, а стену, воздвигнутую им против меня, уже не пробьешь ни кулаком, ни ломом* (Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); *Потому что комары, какие уж они гниды ни будь, живут вместе с нами в Москве* (Столица. 1997.08.26). Здесь можно говорить об уступительном значении, потому что такие предложения понимаются на фоне ожидания того, что ситуация, представленная в придаточной (императивной) части, будет достаточным основанием для реализации (или не реализации) ситуации, названной в главной (нсимперативной) части. Однако негативный характер главной части указывает как раз на то, что подобное ожидание не оправдывается.

7.2. Подлежащее императива стоит в первом, втором или третьем лице (ед. или мн. ч.), или отсутствует (в случае безличного предложения): *Один человек, допустим, такой это веселый-веселый, что с ним хоть, допустим, что ни случись, отчего другой сразу бы окочурился или повесился в петле, а этому – хоть бы хны!* (Попов. Темный лес). Однако в современном языке уступительный императив чаще всего употребляется с существительным второго лица, часто с обобщенным значением и в идиоматических оборотах типа *куда ни глянь; что ни говори; хоть убей*.

Важно отметить, что при 2 л. мн. ч. всегда употребляется директивный постфикс *-те*: *Как вы ни думайте, решить эту задачу бессильны и вы, и я, и он, и все на свете* (А. Грин. Бегущая по волнам). Это свидетельствует о наличии признака директивности в уступительной императивной конструкции. Частица *-ка* не употребляется, наверное,

¹⁷ Подчеркнем, что в случае условно-уступительного типа *хоть* стоит после глагола, напр.: *Сотвори Господь хоть пятьдесят Одесс, ...*

из-за того, что ее значение не соответствует пермиссивному характеру уступительной конструкции (см. [Храковский, Володин 1986: 183]). Однако есть и другие признаки, которые проявляются при отсутствии директивного значения: (а) конструкция может употребляться как часть другого сложноподчиненного предложения: *Дождь пополам с градом лунит такой, что хоть кричи – ничего не услышишь* (Искандер. Сандро из Чегема); (б) императивная часть может следовать за главной частью: *Я не помню ее, хоть убей* (Шитова. Дерзкая)¹⁸.

В отличие от большинства конструкций с условным императивом, в главной части уступительной императивной конструкции употребляется глагол в настоящем или будущем времени. В большинстве случаев употребляется несовершенный вид, хотя совершенный вид тоже встречается нередко.

7.3. В обобщенном виде значение предложений уступительного типа можно сформулировать следующим образом:

Если С = адресат: «Говорящий дает волевой импульс (с пермиссивным характером) адресату представить себя в позиции субъекта действия ($\rightarrow SIT(V)_{t_1}$), только чтобы тот осознал, что ситуация, представленная в императивной части, не является достаточным основанием для реализации ситуации, представленной в неимперативной части».

Если С $\neq$ адресат: «Говорящий дает волевой импульс (с пермиссивным характером) адресату представить себе действие, только чтобы тот осознал, что ситуация, представленная в императивной части, не является достаточным основанием для реализации ситуации, представленной в неимперативной части».

Схема 6

Импульс	Цель импульса	Субъект ситуации	Объект импульса
Говорящий	$\rightarrow SIT(V_{+aspect})_{t_1}$ в гипотетическом мире*	С = 1/2/3 ед.-мн./безл.	Адресат

* Однако еще частично сохраняется признак реализации действия в действительности.

По мнению Эбелинга [Ebeling 1956], существует тесная семантическая связь между уступительным и условным значениями. Единственная разница заключается в том, что в случае уступительного употребления импульс говорящего адресату представить себе действие имеет п е р м и с с и в н ы й характер. Мысль о связи уступительного употребления с пермиссивным вариантом волеизъявления нам кажется убедительной. Во многих языках уступительные конструкции развились из условных или их можно рассматривать как особые интерпретации условного значения, как в случае русской конструкции с *если даже* (см., напр. [König 1986; Haspelmath, König 1998]). Однако, насколько нам известно, в случае рассматриваемой нами уступительной конструкции русского языка не существует диахронических данных, подтверждающих гипотезу, что данный тип употребления императива возник только после условного. Более того, наличие повелительного постфикса *-те* при уступительном императиве и отсутствие его при условном (прежде всего у нереального типа) указывает на то, что уступительное употребление – во всяком случае при 2 л. – имеет связь с директивным императивом (ср. [Исаченко 1957: 11]).

Поэтому нам кажется более вероятным, что условная и уступительная конструкции развились независимо друг от друга. Связь директивного значения с уступительным – не

¹⁸ Сравните с порядком предложений условного употребления директивного императива (императивная часть перед неимперативной частью) (см. п. 2.3). При данной конструкции значение директивности первичное, и значение условия только понимается на фоне повеления. При уступительной конструкции уровень семантической и синтактической интеграции императивной части с неимперативной частью является ниже. Более того, во многих предложениях императивная часть может пропускаться (*Я не помню ее, ~~хоть убей~~*).

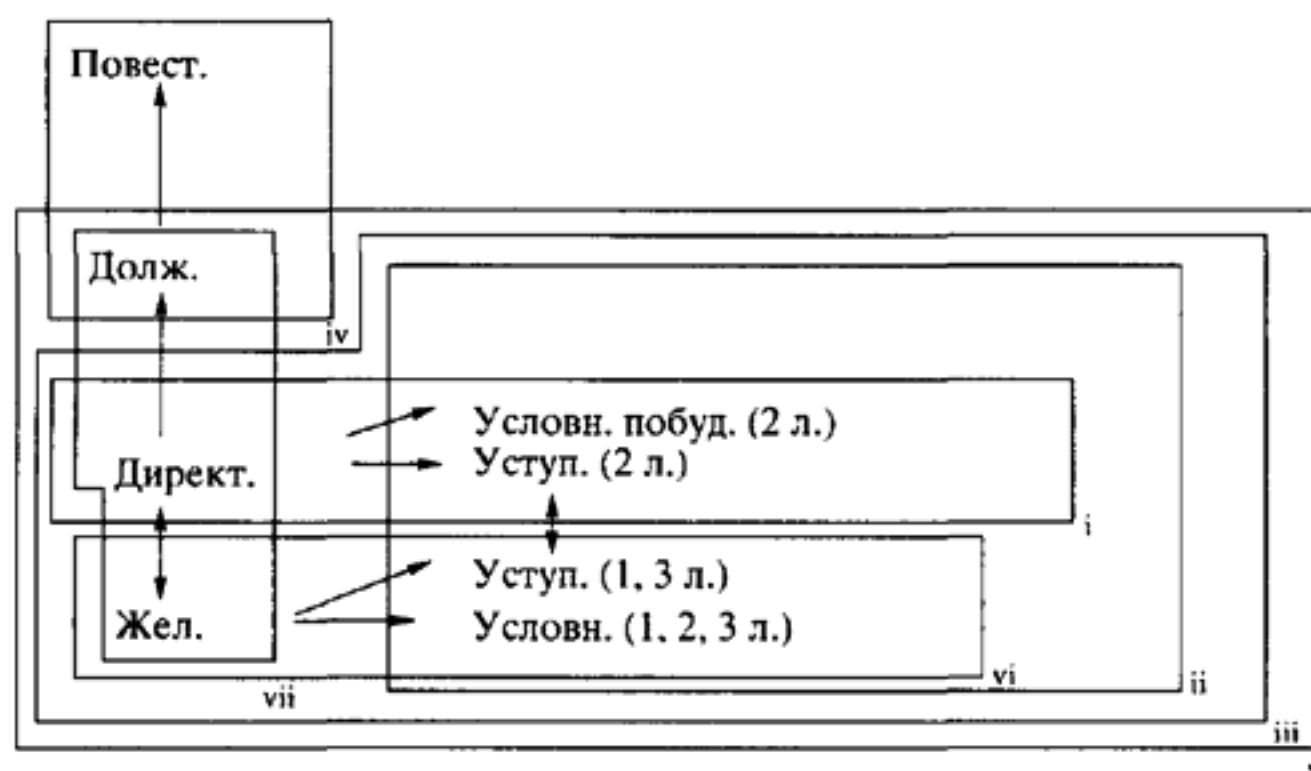
уникальное свойство русского императива и встречается у других форм в других языках (см., напр. [Haspelmath, König 1998: 581]). Примером в русском языке является директивно-оптативная конструкция со словом *пусть*, которая употребляется в предложениях с уступительным характером: *И пусть со мной спорят – все равно нет на свете женщины, которая не мечтала бы о любви, даже если она в весьма зрелом возрасте* (Семья. 2001.11.14). В таких случаях, как и в императиве, не существует основания для гипотезы об условном происхождении уступительного употребления. Другими словами, директивное значение (или конструкция) в одно и то же время может приобрести как оттенок условности, так и оттенок уступительности.

Итак, уступительный императив 2 л. похож на директивный императив с условным характером (п. 2.3), где признак «реализация действия в действительности» частично сохранен. Говорящий дает импульс адресату реализовать какое-то «крайнее» действие или действия определенного типа, снимая этим действительные или возможные возражения адресата. Признак «пермиссивности» принимает здесь характер некоторого равнодушия. В то же время говорящий знает, что в действительности исключается осуществление данного действия. Таким образом, волеизъявление говорящего имеет только аргументативную функцию, и употребление императива является экспрессивным оборотом для подчеркивания истинности суждения в другой части конструкции. В предложениях с подлежащим 1 или 3 л. можно, пожалуй, говорить о транспозиции оптативного императива, похожей на транспозицию при условном употреблении (см. п. 6.4). В конце концов, в полисемичном комплексе определенную роль играют все типы употребления и их семантические признаки, и все они могут, в большей или меньшей степени, способствовать развитию других типов употребления.

ВЫВОДЫ

Русский императив – полисемичный комплекс разных взаимосвязанных значений. Эти значения и связи между ними представлены в схеме 7.

Схема 7

- (i) Директивное и псевдо-директивное употребления
- (ii) Условное-уступительное употребление
- (iii) Импульс = Говорящий
- (iv) Импульс ≠ Говорящий
- (v) Употребления с идентифицируемым импульсом
- (vi) Говорящий дает импульс субъекту непрямо (или, в случаях уступ. и услов. употребления, импульс направлен лишь на представление действия)
- (vii) Импульс направлен на реализацию действия в действительности

Несмотря на то, что у всех (прямых и непрямых) императивных значений основную роль играет признак «импульс», рассматриваемый выше материал приводит к выводу, что говорить об одном, отвлеченном значении, охватывающем досконально все типы употребления императива в современном русском языке, нельзя. Важно отметить, что при ближайшем рассмотрении все же можно найти определенные связи между этими значениями. Мы утверждаем, что эти связи каким-то образом основаны на следующих понятиях: «наличие импульса к совершению или представлению действия» и «призыв к адресату проявить определенную причастность по отношению к этому действию». Из этих компонентов состоит признак «импульс», который присутствует у всех рассматриваемых выше типов употребления императива. Этот признак является ядром, вокруг которого образуется весь комплекс значений императива. Он наиболее ярко и конкретно функционирует в директивном значении, которое является прототипическим/главным значением, а также в оптативном употреблении, которое уже не является продуктивным в современном языке, но играло значительную роль в древнерусском языке.

Цель нашей статьи заключалась прежде всего в том, чтобы обратить внимание на целесообразность рассмотрения семантики русского императива как комплекса взаимосвязанных значений. Подтверждение такого восприятия данного вопроса мы находим в существовании разных переходных случаев употребления императива.

При этом мы не отрицаем, что в различных типах употребления наблюдаются существенные различия в границе с указанным ядром, и что те или иные типы употребления смогли приобрести более или менее самостоятельный статус. Примерами служат повествовательный императив, который почти полностью потерял связь с признаком «импульс», и условный императив, у которого эта связь, скорее всего, сильно ослаблена. К тому же, некоторые употребления уже не имеют статус продуктивных типов (например, оптативный императив), или имеют архаический характер (например, повествовательный императив без *возьми*). Подобные различия подчеркивают самостоятельный статус отдельных типов. Однако, по нашему мнению, и в этих случаях все еще проявляется компонент особого призыва к адресату. Именно этот факт объясняет повышенную экспрессивность указанных употреблений императива.

Наличие общих элементов является важным фактором при образовании языковых концевых (см. [Bartsch 1998]), что обеспечивает необходимую стабильность полисемичных комплексов. Вследствие этого даже периферийные типы употребления формы X сохраняют определенную общность с главным значением этой формы или с другими частными ее значениями и продолжают отличаться от наиболее близких типов употребления другой формы, входящей с формой X в синонимические соотношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко 1990 – А.В. Бондарко. Теория функциональной грамматики, темпоральность, модальность. Л., 1990.
- Борковский 1958 – В.И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958.
- Васильева 1969 – А.И. Васильева. Глагол в разговорной речи // Русский язык за рубежом. 1969.
- Виноградов 1947 – В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1947.
- Виноградов, Шведова 1964 – В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в системе простого и осложненного предложения. М., 1964.
- Зализняк 2004 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Исаченко 1957 – А.В. Исаченко. К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе. 1957. № 6.
- Котгай 1968 – И. Котгай. К вопросу об инвариантном значении форм русского императива // Recueil linguistique de Bratislava / Под ред. J. Ružička. Вып. 2. Bratislava, 1968.
- Левонтина 1991 – И.Б. Левонтина. Словарные статьи частицы *-ка* и существительного *месяц* // Семиотика и информатика. Вып. 32. 1991.
- Муравицкая 1973 – М.П. Муравицкая. Полисемия императива // Математическая лингвистика. 1973. № 1.

- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Перцов 1998 – *Н.Б. Перцов*. К проблеме инварианта грамматического значения II. Императив в русском языке // ВЯ. 1998. № 2.
- Прокопович 1969 – *Е.П. Прокопович*. Стилистика частей речи. М., 1969.
- РГ 1980 – Русская грамматика // Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. М., 1980.
- Стевановић 1969 – *М. Стевановић*. Савремени српскохрватски језик. Т. 2. Синтакса. Београд. 1969.
- Урысон 2000 – *Е.В. Урысон*. Русский союз и частица *и*: структура значения // ВЯ. 2000. № 3.
- Формановская 1989 – *И.И. Формановская*. Сложное предложение. М., 1989.
- Храковский 2004 – *В.С. Храковский*. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций. СПб., 2004.
- Храковский, Володин 1986 – *В.С. Храковский, А.П. Володин*. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
- Шахматов 1925 – *А.А. Шахматов*. Синтаксис русского языка. Л., 1925.
- Шведова 1974 – *Н.Ю. Шведова*. О долженствовательном наклонении // Г.А. Золотова (ред.). Синтаксис и норма. М., 1974.
- Шмелев 1961 – *Д.Н. Шмелев*. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1961. № 5.
- Ясан 1995 – *Л. Ясан*. Императивная форма русского глагола в функционально-семантической интерпретации // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1995.
- Bartsch 1998 – *R. Bartsch*. Dynamic conceptual semantics: A logico-philosophical investigation into concept formation and understanding // CSLI Publications. Stanford (CA). 1998.
- Belyavski-Frank 1991 – *M. Belyavski-Frank*. Narrative use of tense forms in Russian & Serbo-Croatian // *The Slavic and East European journal*. 1991. V. 35. 1.
- Comtet 1994 – *R. Comtet*. L'impératif hypothétique en russe: un cas de synonymie syntaxique // *Revue des études slaves*. 1994. V. 66. № 3.
- Darden – *B.J. Darden*. Balto-Slavic factitive-iteratives // [humanities.uchicago.edu / depts / slavic / papers / Darden-Balto-Slavic-Fact-Iter.pdf](http://humanities.uchicago.edu/depts/slavic/papers/Darden-Balto-Slavic-Fact-Iter.pdf)
- Davies 1986 – *E. Davies*. The English imperative. London et al., 1986.
- Donhauser 1986 – *K. Donhauser*. Der Imperativ im Deutschen. Hamburg, 1986.
- Ebeling 1956 – *C.L. Ebeling*. On the verbal predicate in Russian // M. Halle (ed.). For Roman Jakobson: Essays on the occasion of his sixtieth birthday. The Hague, 1956.
- Fortuin 2000 – *E. Fortuin*. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian. ILLC Dissertation series. 2000.
- Fortuin 2005 – *E. Fortuin*. From possibility to necessity: the semantic spectrum of the dative-infinitive construction in Russian // B. Hansen, P. Karlík (eds.). Modality in Slavonic languages. New perspectives. München, 2005.
- Fortuin, Boogaart (in prep.) – *E. Fortuin, R. Boogaart*. From directive to conditional (in prep.).
- Garde 1963 – *P. Garde*. L'emploi du conditionnel et de la particule *by* en russe. Aix-en-Provence, 1963.
- Gronas 2006 – *M. Gronas*. The origin of the Russian historical imperative // *RLing*. 2006. V. 30. № 1.
- Hacking 1997 – *J.F. Hacking*. Coding the hypothetical. A comparative typology of Russian and Macedonian conditionals. Amsterdam, 1997.
- Haspelmath, König 1998 – *M. Haspelmath, E. König*. Concessive conditionals in the languages of Europe // Van der Auwera J. (ed.). Adverbial constructions in the languages of Europe (Eurotyp, 20–3). Berlin: New York, 1998.
- Israeli 2001 – *A. Israeli*. An imperative form in non-imperative constructions in Russian // *Glossos* V. 1 / www.seelrc.org/glossos/issues/1/israeli.pdf
- König 1986 – *E. König*. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization // E.C. Traugott et al. (eds.). On conditionals. Cambridge et al., 1986.
- Kor-Chahine 2006 – *I. Kor-Chahine*. Entre texte et discours: les moyens de mise en relief syntaxique d'un procès en russe // *Chroniques slaves*. 2006. № 2.
- Roni 1994 – *H. Roni*. On the narrative imperative in Negev Arabic and in Russian // *Journal of Semitic studies*. 1994. V. 39. № 2.
- Van der Auwera, Plungian 1998 – *J. van der Auwera, V. Plungian*. On modality's semantic map // *Linguistic typology*. 1998. № 20.
- Veyrenc 1980 – *J. Veyrenc*. Études sur le verbe Russe // Paris, 1980.
- Voitenkova, Kor Chahine 2001 – *I. Voitenkova, Kor Chahine*. ESLI et l'expression de la condition en russe. Thèse de doctorat. Université Aix-Marseille I, 2001.